

Вагиф Султанлы

Сон забвения

Предисловие

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ИСТОРИКА

Историк, автор этого предисловия, чувствует некоторую неловкость, поскольку речь идет о художественных произведениях, связанных с современностью, но, получив такое предложение от их автора, все же решился высказать свои некоторые соображения как рядовой читатель, не претендуя, разумеется, на роль литературного критика. Причина проста: как кто-то мудро заметил, любовь к истории есть не что иное, как тревога за день сегодняшней и грядущий.

Именно этому посвящены публикуемые произведения известного не только в Азербайджане философа, писателя, литературоведа, журналиста Вагифа Султанлы. Они наполнены глубоким смыслом, затрагивают морально-нравственные ценности современного общества, а ведь оно выросло из прошлого, в котором, получается, что-то было не так, как хотелось бы. Автор, как мне кажется, пытается ответить на вечные вопросы: с развитием человечества смягчаются ли нравы, создается ли все более и более высокая нравственная культура, и уменьшаются ли человеческие страдания?

Трагические и печальные судьбы персонажей данных произведений переплетены с важными проблемами сегодняшнего дня, в особенности с вопросами нравственности. Автор отнюдь не идеализирует, как многие, а изобличает пороки — властолюбие, жадность, похоть и пр. — общества в целом и отдельных его представителей, часто толкающие их на ужасные и бесчеловечные поступки. Особенно явственно это заметно в повести «Сон забвения», а ведь нечто подобное на самом деле творится вокруг. Достаточно просто прочесть газету, включить телевизор, заглянуть в интернет. Как и в далеком, и недалеком прошлом, множество людей во всех сферах современного им общества одержимы жадной наживы, бесчестны, готовы продать всё и вся, если это им выгодно.

В этом произведении автор очень точно провел собственное глубокое исследование мотивов поступков персонажей, произведя, в сущности, философский анализ моральных качеств общества в целом: много зависти, злобы, вероломства, алчности и прочих пороков, а добро очень редко торжествует над злом. С этими людскими пороками многие из нас сталкивались и сталкиваются постоянно, даже привыкли. Очевидно, что все это было, есть и будет. И автор описывает эту реальность, как представляется, в надежде, что кто-нибудь оглянется на самого себя, заглянет в свою душу, хотя бы на миг задумается.

Публикуемые рассказы тоже наполнены глубоким философским смыслом и подвигают к размышлениям. В

«Пепельной клетке» у главного персонажа даже нет имени. Он, как и очень многие наши современники, не может понять, что происходит вокруг. Он в растерянности. Автор намеренно обезличивает своего персонажа, делает его типичным представителем современности, человеком из «толпы», он и подобные ему среди нас и вокруг нас везде.

Из таких малых индивидуальных величин и складывается то бесконечно большое явление, которое именуется историческим процессом. Познание психологии такого «маленького» человека — познание нас самих, нашего общества в целом, нашего прошлого и будущего. С точки зрения историка, достоверность общего суждения зависит от точности познания отдельных частичек — в данном случае таким элементом является Он.

В другом рассказе — «Клетчатая конура» — моральный облик человеческого социума раскрывается иначе — через судьбу больного ребенка. Его семья ищет способ борьбы с болезнью и ради спасения его даже изолировали. В этой «палате» на самом деле здоровье ребенка лишь ухудшается. Доктора же предлагают умертвить его, чтобы болезнь не распространилась на других обитателей дома. Что делать? Эта вечная проблема выбора. Она, как верно понимает ее автор, не индивидуальная, а социальная и возникла давно, а решается по-разному, в разных исторических эпохах, но суть одна и та же. Что важнее: жизнь одного представителя рода человеческого или многих сотен, тысяч? И этот вопрос постоянно возникает у людей, в

том числе у тех, кто занимается политикой, управлением обществом. Отвечают на эту дилемму, как мы хорошо знаем, представители разных обществ и культур по-разному.

Современное общество, с точки зрения автора, так и не научилось лечить свои нравственные недуги. Кажется, что чем дальше идет прогресс, тем хуже становятся люди. Автор убедительно показал этот регресс через поступки своих персонажей. Используя множество точных аллегорий, он изобличает их нравственный упадок, пробуждает при этом целую гамму эмоций — от гнева до жалости и от грусти до смирения. Этические и моральные ценности, как следует из контекста данных произведений, потеряли всякий смысл для многих современных людей. Прогресс знаний, их огромный рост, по мнению автора, никак не связан с прогрессом в человеческой психологии, в людской морали.

Публикуемые произведения Вагифа Султанлы вызывают отнюдь не радужные оценки состояния современного общества, мотивов людей и уровня их моральных ценностей. В этом мире, по мнению автора, осталось так мало добра и уважения, так мало любви и морали, а грязи и пороков становится все больше и больше. Люди в большинстве своем, находясь под тем или иным влиянием, живут, как правило, одним днем, не думая о будущем. Это умение видеть природу человека такой, какая она есть — несомненное достоинство автора, признак его мастерства.

Точка зрения автора, обобщая, такова:

человечество в моральном отношении не прогрессирует, а падает все ниже и ниже, и страдания людей не уменьшаются, а только принимают новые формы. Трудно предсказать, каковы будут следствия, которые вытекают из такого мира. И эти тревожные размышления автора важны, он — один из тех, кто глубоко переживает за людей, сочувствует им, а это, само по себе, такая большая редкость в современном обществе, в котором царят эгоизм и равнодушие.

Все публикуемые произведения, надо поздравить автора и переводчика, легко читаются, несмотря на то что фактически носят характер философского сочинения.

*Салават Исхаков, доктор исторических наук,
Москва.*

СОН ЗАБВЕНИЯ

Словно испокон веков в этих местах не было дождей — деревья, согнувшиеся от жары, беспомощно клонятся к земле; пожухлая трава превратилась в солому, обезвоженная почва потрескалась...

Он не видит всего этого. В такой зной его память занимает лишь далёкий голос.

Он не знает, откуда раздаётся этот голос, не понимает сказанного. Но в этом голосе он чувствует близость и теплоту, словно от

колыбельной. На мгновение оторвавшись от себя, он чувствует, что этот голос звучит у него в душе, что это его собственный голос. Он глядит сквозь этот голос вдаль, его сознание мутнеет, голова кружится, дорога в его глазах тает и постепенно исчезает...

Бульдозер проезжает с сильным грохотом, раздающимся по всей окрестности. Вдали, на кладбище, у края села, чернеют надгробные камни, словно сросшиеся с землёй. В его памяти эта земля невообразима без кустов полыни, груд засохшего тамариска и этих надгробных камней.

...Ковш бульдозера с ужасающим скрежетом ударился о надгробный камень. Словно всё это время он находился в затмении, но очнувшись от этого скрежета, изо всех сил нажал на тормоз. Его конечности окоченели, по телу пробежала дрожь. «О господи, прокладывать дорогу через кладбище — да как же такое возможно? Как?...»

Он представил дорогу, проложенную по человеческим останкам, которые, стоная от боли, просили пощады. Ему показалось, что он стоит на этой дороге на ноющих ногах, не зная, куда идти, боясь даже двинуться с места, как малое дитя, делающее первые шаги, — стоит ему наступить на землю, как из-под неё послышатся стоны, которые сведут его с ума...

Открыв дверь кабины, он выпрыгнул вниз и

сел на большой булыжник, лежащий чуть поодаль от дороги. Оглядел пористые надгробные камни, обросшие зелёным мхом. Камни стояли смиренно в шеренгу, как солдаты, ожидающие команду и готовые вступить в бой, сравнять всё кладбище с землёй. «Почему же человек никак не может смириться с мыслью, что ещё с рождения его жизненный путь ведёт к кладбищу и каждый его шаг приближает его к смерти? Забывчивый человек не осознаёт, что вся эта борьба за жизнь ведётся во имя смерти, для приближения смертного одра, преодоления пути, ведущего к смерти. Человек забывает, что он борется с миром для того, чтобы достичь конечного пункта этого пути, не знает, что все препятствия и преграды, которые он преодолевает, в итоге ведут его в подземелье, доказывая, что он приговорён смешаться с землёй. Не знает, что у рождённого на свет человека есть всего один путь — путь к могиле; и стар и млад, рано или поздно, окажется там.

Для чего же тогда все эти надгробные камни? Почему человек не смешивается с землёй без единого напоминания о своём прежнем существовании? Может, надгробный камень служит памятником, возведённым человеческому горю, является продолжением его жизни, его жизнью после смерти? Или надгробный камень — это всего лишь обман, утешение?...»

Ему кажется, что эти надгробные камни тоже живые — они тоже, как люди, общаются друг с другом, шепчутся на каменном языке, делятся мыслями... У них собственные заботы, радости и печали, они тоже влюбляются, любят. Но боясь то ли света, то ли людей, они днём погружаются в каменный сон, и их жизнь начинается только по ночам. Поэтому по ночам на кладбище бывает особенно страшно.

Когда-то ему очень хотелось, чтобы на этом огромном кладбище были могилы его родных и близких, чтобы ему, как и другим людям, было что навещать. Ещё с детства он завидовал людям, которые приходили на кладбище навещать могилы своих родных и близких. И с возрастом это чувство росло в его душе, как мечта, как надежда...

Но сейчас, внезапно, он почувствовал родство со всеми могилами на этом кладбище, и страдание, терзающее его душу с раннего детства и взрослеющее вместе с ним, начало постепенно угасать.

«Сносить кладбище, рушить надгробные камни бульдозером и, мало того, строить дорогу над бывшими могилами, заливать асфальтом — тьфу, какая мерзость! Кто это придумал — человек или дьявол? Чем же они думали, как они додумались до такого свинства? Не боятся ли они Всевышнего, не задумываются ли о собственной

смерти?...»

В нижней части кладбища несколько человек, собравшись, вскрывали могилы. Эта работа продолжалась уже неделю. Люди выкапывали останки своих родных и близких и переносили на новое кладбище — кто-то перехоранивал родителей, кто-то брата, сестру — словом, работа по перехоронению шла полным ходом. Утром он получил строгое поручение: полностью снести кладбище. Уже несколько дней, как сюда прибывали грузовики, загруженные щебнем, — разгружались, уезжали. Со сроками запаздывали — дорогу планировалось сдать к концу месяца. Сегодня он приезжал сюда уже во второй раз; утром люди попросили дать им время до вечера, так как некоторые ещё не успели перенести останки своих родных. А некоторые всё ещё не трогали могилы, до последнего не веря, что такое в принципе возможно. «Скажут, тоже: «Мы будем прокладывать дорогу именно отсюда — нам так поручили. Над властью не повластвуешь!» Ясен пень — дорога нужна, но это же не значит, что власть должна превращать кладбище в проходной двор... Что это за власть, которая поручает уничтожать кладбище, осквернять память предков?... И потом, что ты заладил — власть, власть... Что такое власть, объясни мне пожалуйста? Власть — это ты, я, власть — это

простой народ!»

— Дядя, дяденька!

Он вздрогнул, поднял голову. Перед ним стоял мальчик шести-семи лет, в изношенной одежде. Хотя одеждой это можно было назвать с натяжкой — на нём была практически ветошь. Мальчик плакал навзрыд, слёзы текли по его щекам и смывали грязь с лица. «Господи, откуда взялся этот мальчик? Ростом в пядь, а слёзы льются ручьём... Что могло привести его сюда, что могло так опечалить его? Он так горько плачет, что вот-вот растает вместе со слезами, впитаясь в землю...»

В глазах ребёнка читалось всё его горе.

— Дядя, дяденька! — вновь всхлипнул мальчик.

Прослезившись, он встал, взял ребёнка за руку и погладил по волосам своей крепкой мозолистой рукой.

— Не разрушай могилу моей мамы, дяденька! Богом тебя молю! Поклянись матерью, что не станешь разрушать!

Внезапно он почувствовал бессилие, и это чувство начало постепенно нарастать в его душе, сродни усталости, томлению. Ему казалось, ещё немного и у него непременно остановится сердце.

Мальчик не угомонялся:

— Клянёшься? Скажи, ты клянёшься?

«Что же мне теперь ответить этому ребёнку? Как его утешить? Как ему объяснить, что это работа, поручение?! Мной или без меня — оно всё равно будет выполнено... Будь моя воля, я бы не тронул ни одну могилу... Будь моя воля...»

Уже неделю как у него не было сна ни в одном глазу. Стоило ему вздремнуть, как перед глазами появлялись трупы, скелеты, ему снились кошмары, и он с нетерпением ждал, когда же наступит утро.

Работа на кладбище шла полным ходом. Люди боялись, что вот-вот всё сравняют с землёй, и, вооружившись лопатами и кирками, они собирали останки на носилки и таскали на место нового кладбища, к верхней части сада Бабалы. При взгляде на место нового кладбища возникало ощущение, что в близлежащих сёлах произошла какая-то ужасная резня, и одновременное захоронение такого большого количества человеческих останков связано именно с этим бедствием.

Белый склеп, сооружённый над могилой Гаджи Махмуда, был разобран и перенесён на новое кладбище. Перенесли также и могилу Гаджи Махмуда, а вокруг неё разложили кирпичи и арматуру разобранного склепа, который планировалось построить заново — после того как всё успокоится.

Он встал, заглушил двигатель бульдозера, так как не собирался начинать работу, пока люди полностью не покинут кладбище. Но будь здесь Мириш, увидев, что он заглушил двигатель, принялся бы делить потерянное время на минуты и секунды и умножать их на дни и месяцы. Тогда пиши — пропало. Обдавая всё сигаретным дымом, выругал бы его на чём свет стоит. Отнять бы у этой сволочи сигарету и потушить бы её о его зрачок...

Он намеревался ждать, пока работа на кладбище не закончится. И плевать ему на Мириша с высокой колокольни — пусть ругается, сколько влезет. Уж лучше выслушивать ругательства Мириша, нежели разрушать могилы, пока люди не успели выкопать все останки...

После того как бульдозер был заглушен, стук лопат и кирок стал раздаваться всё громче. Стар да млад, мужчины, женщины — все работали в поте лица, при этом не веря всё же, что кладбище снесут. Но их надежду разрушило появление рядом с кладбищем бульдозера. Все вмиг встревожились и принялись усерднее копать, проклиная всё на свете.

Неделю назад, когда он прибыл сюда на бульдозере, люди едва не закидали его камнями — возможно, они забили бы его до смерти, не появившись вовремя председатель сельсовета.

— Люди, — обратился к сельчанам председатель, — что вы набросились на этого

беднягу? Он ведь не по своей воле приехал сюда. Подождите, вот соберутся аксакалы, решим, что делать дальше. Это кладбище, а не бесхозная застройка, чтобы всё разнесли бульдозером. Я-то ничего — допустим, я состарился, а с вами-то что? Имейте терпение — вот явится руководство района, и расспросим его, что к чему. Это ведь не мельница, чтобы перестраивать её в столовую или кабак, где будут собираться всякие алкаши. Это — кладбище, святое пристанище наших предков. Святое место должно остаться неприкосновенным, иначе потеряет всю святость...

Затем прибыл председатель райкома:

— Я выделил хорошее место для кладбища, — сказал он. — Переносите могилы своих родных туда. Мы вам окажем всяческую помощь.

Кто-то из сельчан возмутился:

— А нельзя ли, товарищ председатель, выделить другое место для дороги, а кладбище не трогать? Мы сами поможем чем нужно, лишь бы кладбище осталось на месте.

Председатель взбесился не на шутку:

— Я вам по-хорошему говорю, а вы тут со мной спорите. Он новый сотрудник, ещё года нет как он работает в этом районе. Стоит ли теперь портить с ним отношения из-за какого-то пустяка?

— Что значит «пустяка»? — сказал кто-то из толпы. — По-вашему, кладбище — это пустяк?

Председатель не сдержался:

— Хватит, — строго отрезал он. — Эта тема закрыта. — Затем, сядя в свою машину, сердито добавил: — Чёрт ногу сломает с этим народом, как я их только терплю?! — и уехал.

Его конечности и рёбра ныли от боли. Ему казалось, что стоит сделать шаг, как сердце остановится и он упадёт. Слова председателя сельсовета слышал как во сне. Он полностью позабыл, с какой целью сюда приехал. Люди, еле сдерживаясь от злости, с ненавистью смотрели на него. Но он не испытывал никакой ненависти к этим людям, избившим его до полусмерти, — ему всего лишь хотелось скрыться от их взглядов, от которых всё его тело охватывала дрожь. Но ноги будто приросли к земле — он стоял как вкопанный, глотая собственную кровь.

... Поднял голову — мальчика нигде не было. Он даже не почувствовал, когда ребёнок ушёл. «Что же я ответил ребёнку, как его утешил? Успокоил его хотя бы или нет?» Как ни старался, вспомнить не смог.

...В детстве они с друзьями частенько играли на кладбище. Иногда, втайне от всех, он приходил сюда один и пргуливался по кладбищу, просекая его вдоль и поперёк. В то время эта дорога, шедшая от начала до конца кладбища, казалась ему бесконечной. Гулял по кладбищу и читал на

надгробных камнях печальные, лирические безутешные эпитафии о непостоянности жизни и неизбежности смерти. Он до сих пор помнил первые строки одной из эпитафий: «Мой корабль пристал к бездне и не дал мне насладиться жизнью...». Дальше позабыл.

* * *

Алиш сидел голышом на холмике, расположенном на берегу реки чуть поодаль от кладбища. Обхватив голову руками, он полностью ушёл в себя — ничего не видел, не слышал. Всё тело покрылось редкими седыми волосами. Побелев, зрачки Алиша источали дикий холод. Но Алиш не догадывался о состоянии зрачков, об этом холоде, охватывающем душу в этот летний зной.

Он не знал, с чем связан этот шум-гам, эта беготня на кладбище. Он был в растерянности из-за событий, произошедших за одну ночь. Искал, с кем бы поговорить, излить душу, но какое-то чувство мешало ему вернуться на кладбище, к людям, с которыми он прожил всю жизнь.

Теперь Алиш сидел, заново переживая все события и не веря, что всё это произошло именно с ним. Он пытался прокрутить случившееся в памяти в надежде удостовериться, что всё это всего лишь кошмарный сон...

...Открыв глаза, он очутился в кромешной тьме. Попытался двинуться, повернуться, хотя бы определить, где он находится и как тут очутился. Но руки его не слушались — они словно были прикованы к телу. Осознав тщетность своих действий, он попытался хотя бы вспомнить, где он находится, но не смог — словно тьма проникла даже в его память. «Что это такое, господи? Что за тьма? Неужто очутился в преисподней? Может, это кошмарный сон?».

Медленно текли минуты, секунды, и это текучее время уносило с собой его терпение. По запаху в воздухе он чувствовал, что между ним и стеной очень маленькое расстояние, сумеи он двинуть руками, смог бы определить, где лежит. Однако создавалось ощущение, что у него не только связаны руки, но и укутано всё тело, и он никак не мог освободиться.

Прошло немало времени, пока он осознал, что всё это не сон, а явь. Удостоверившись в этом, он начал процеживать сквозь память всё былое. В последние дни он сильно простудился, обессилил. А что потом? Не выходил из дома целую неделю, соблюдал постельный режим. Его кровать стояла возле окна, и лишь по вечерам, когда заходило солнце, в комнату прорывался солнечный свет. Ещё помнил, что у него полностью пропал аппетит. А по ночам не мог заснуть — всё тело ужасно болело. Но

потом ему всё время хотелось спать — то и дело клевал носом. Вот и заснул... Дальше он ничего не помнил. Может, всё ещё не проснулся? Но не может же сон длиться так долго... Конечно, не может — сон не может быть столь утомительным...

Он чувствовал, что дышать становится всё труднее. Однако аромат свежей почвы, обволакивающий всё тело, успокаивал нервы и приводил его в чувства.

В конечностях он ощущал приятную слабость. Руки и ноги окоченели — работал только мозг. Думалось, что во всём мире исчезли все звуки. Но уши были наполнены шумом — это был какой-то странный гул, исходящий откуда-то из глубины, из недр земли. Он не мог никак избавиться от этого гула — в нём таилась вечность мира, вечность смерти, вечность темноты.

Он не чувствовал ни холода, ни жары — тело всё ещё полностью не проснулось. «Господи, что же это такое? Не знаю — ночь ли сейчас или день-деньской? Ничего не слышу, не могу двинуться. Что это за место такое, тесное?».

Кажется, отлежал руку — она сильно болела. Но он не мог определить — это правая рука или левая. В этом тесном уголке огромной земли он полностью расстерял чувство меры и величины. И потом — какая разница, левая, или правая? От боли ныла рука, вот и всё. Если бы ему удалось

повернуться на другой бок, то и боль бы утихла.

Он медленно поднял голову. Опустил. Повторил это движение несколько раз — словно не веря, что вообще в состоянии поднимать голову.

Под головой не было ни подушки, ни подстилки. Попытался повернуться — но тщетно. То, во что укутали его тело, мешало ему двигаться. Ему сначала нужно было избавиться от этих пут — возможно, тьма именно в них, и если удастся освободиться от них, то станет светло. Но как же выволить себя?

Он не чувствовал голода, но очень хотелось пить — язык и губы пересохли от жажды. Будь тут ковшик прохладной воды, выпил бы с удовольствием. Но отчего-то сразу позабыл про жажду.

Время тянулось очень медленно. Он ждал — словно что-то должно было произойти, и постепенно в его проясняющийся разум вкрадывались смутные подозрения. Он пытался подавить эти подозрения, но ничего не получалось.

Схватившись одной рукой за повязку, потянул изо всех сил. Материя порвалась. Зацепив порванное место, он принялся рвать дальше и, выволив руку, нащупал стену. Он лежал в окружении четырёх стен. Затем прошёлся рукой по голому телу. «...Могила!!!» Разорвал ногами саван в ключья.

Он кричал странным, нечеловеческим голосом, похожим на вой.

Он продолжал кричать. Стоял странный запах. Понял, что из носа хлещет кровь. Кисловатый, тошнотворный привкус крови почувствовал на губах.

Вместе с тем испытал облегчение. Но отчего? Ведь это ужасно — отныне ему ничего не оставалось, как лежать, будучи в здравом уме, и ждать собственной смерти... Он помнил только ту ночь, когда погрузился в сон. Дальше ничего не помнил. От этого сна он очнулся только сейчас.

Как ни странно, он постепенно успокоился. Жажда его больше не мучала. Осознав происходящее, захотел уснуть, на этот раз навсегда. Умереть во сне было гораздо легче — ничто не могло быть страшнее ожидания смерти в этой тесной тёмной яме.

Ему приснилось, что его за ногу ужалила слепая змея и ему никак не удаётся снять ботинок с распухшей ноги. Он чувствовал, как коченеет нога, а яд растекаясь, распространяется по всему телу. Дышать становилось всё труднее. Какая-то незнакомая женщина в чёрном одеянии измеряла его рост... Внезапно он открыл глаза. Правая нога полностью окоченела.

«С чего это вдруг мне приснилась эта змея? Неужели мне и в могиле покоя не будет, господи?»

Змея досаждала ему вот уже несколько лет. Она ему мерещилась везде — и, что странно, он чувствовал, в какой стороне змея, где она прячется. Возможно, именно поэтому он не стремился убить её. Он лишался аппетита, чувствуя присутствие змеи. Напряжение возрастало. По ночам он слышал шорохи змеи; знал, что это змея — она ночует между крышей дома и потолком. Очень опасался, что как-нибудь ночью потолок обрушится, и змея упадёт и обовьёт его. Холод, исходящий от змеи, он чувствовал на расстоянии. Страх и бессонница безраздельно овладели им.

Теперь, в этой тесной тёмной яме, страх оказаться один на один со змёй парализовал его. Он слышал от кого-то, что змея пожирает глаза свежих трупов. От этих мыслей у него начали ныть глаза.

Он не знал, сколько времени прошло. Может, день, может, неделя, а может, и месяц. «Интересно, какое сейчас время суток? Ночь или день?» Ему казалось, что на этом свете существует лишь тьма, а свет — это сон и иллюзия, вот и всё.

Интересно, сколько человек может прожить без еды и воды? Допустим, неделю или месяц. А потом?

Он вновь принялся кричать. Но кто мог услышать его? Это всего лишь надежда, слабое утешение. От крика ему становилось легче, спокойнее, и он погрузился в глубокий сон. В

надежде увидеть свет.

Но и во сне он видел только тьму. Небо словно укутано чёрным покровом; воцарилась кромешная тьма. Издали слышался звук, похожий на стук лопаты или кирки — словно где-то копали. Этот стук был настолько глухим, что невозможно было определить, откуда он исходит. В его сознании сон смешался с явью, но он был почти уверен, что слышит этот глухой стук не во сне, а наяву. «Возможно, где-то поблизости копают могилу. Если я нахожусь на кладбище, то вряд ли этот стук может иметь другое происхождение... Получается, что сейчас полдень, везде светло — уж точно не вечер, так как хоронить покойного вечером противоречит обычаям, это известно всем. Интересно, кто это там распрощался с жизнью, кого собираются хоронить?» Он попытался вспомнить всех своих знакомых односельчан, которые могли быть при смерти. «Может, кто-то скончался безвременно? Хотя это идиотское понятие — своевременной смерти не бывает».

Стук прекратился, но спустя некоторое время послышался вновь. Теперь он стал намного яснее, и кроме стука были слышны неразборчивые человеческие голоса.

Затаив дыхание, он прислушался. Люди о чём-то шептались. Тут пошатнулась камышовая доска, покрывающая могилу, и ему стало ясно, что

люди вскрывают его могилу. «О господи, что они задумали? Может, они знают, что я не умер? Может, это они заживо закопали меня? Может, это мне снится?»

Он боялся пикнуть — никак не мог понять, почему эти люди вскрывают его могилу.

Вскоре стук прекратился и внутрь могилы ворвался свежий воздух. Теперь его отделяла от земного света лишь камышовая доска.

Он глубоко вдохнул свежий воздух. Всё ещё боялся издать звук — не ровён час подумают, что воскрес, тут же прибьют лопатой. Достаточно одного удара по голове — и будь здоров. Вряд ли будут разбираться, что к чему.

Доска лежала поперёк — они вытащили её, чтобы не засыпать песком. Лунный свет ослепил его.

— Не бойся, — сказал кто-то хриплым голосом. — Порви саван и сперваними кольцо. Если не снимется, отрежь палец. Кольцо на среднем пальце левой руки — я сам видел при омывании трупа. Вот с золотыми зубами придётся повозиться... Поторопись, время идёт.

— У меня колени дрожат, — писклявым голосом промолвил другой. — А вдруг я упаду в могилу и не смогу выбраться?

— Время идёт, — сказал хриплоголосый. — Нам ещё предстоит неблизкий путь.

— Нет, спускайся сам, — возразил писклявый. — До сих пор всё делал я, теперь твоя очередь.

— Мужик ты или кто? — возмутился хриплоголосый. — Трупа, что ли, боишься? Уже неделю, как он откинул копыта — не бойся, ничего с тобой не сделает...

«Неделю! Значит, его похоронили всего неделю назад... А ведь эта неделя казалась ему вечностью. Почему же он не почувствовал? Может, в тёмной могиле время течёт как-то по-другому? О, Господи, ты всемогущ!» — подумал Алиш, прислушиваясь к диалогу этих незнакомцев.

— Будь проклят тот день, когда я связался с тобой, пришёл сюда, — причитал писклявый. — Я не буду спускаться в могилу. Спускайся сам!

— Тьфу, — плюнул хриплоголосый. — Нашёл с кем на дело выходить! Чёрт бы меня побрал...

Еле сдерживаясь от ругательств, он добавил:

— Ну ладно, тогда давай вытащим труп из могилы и всё сделаем здесь. Что ты на это скажешь?

Писклявый пробормотал что-то невнятное. Алиш привстал и сел в могиле. Они стояли поодаль от могилы и всё ещё спорили.

— Люди добрые! — позвал их Алиш, но не понял, услышали его или нет — собственный голос показался ему неестественным.

Те двое прекратили спорить — видимо, его услышали. Но никто из них не мог представить, что голос прозвучал из могилы — подумали, что кто-то следит за ними. Растерявшись, они опустились на корточки.

С трудом выпрямив обессиленное тело, он попытался ухватиться за почву и выбраться из могилы, но рыхлая почва просыпалась у него между пальцами.

— Люди добрые! — позвал он ещё раз. — Помогите!

Они оглянулись. Аlish стоял голышом в могиле, седые волосы рассыпались по лицу. Обезумев от страха, те двое попятились назад и, бросив лопату с киркой, с криком бросились бежать в сторону села.

— Ооооо...

— Ууууу...

Они кричали нечеловеческим голосом. Их крик был слышен даже тогда, когда они добежали до села.

Он встал и уселся на земляном холмике, образованном землёй из вырытой могилы. Надгробный камень лежал в сторонке. При свете луны он прочёл своё имя и фамилию, обратил внимание на даты рождения и смерти. Сорок семь лет...

Спустившись в могилу, он достал саван и

разглядел узкое пространство, в котором пролежал целую неделю. Внутри могилы было так страшно, что у него невольно начали трястись руки и ноги, и он, потеряв равновесие, чуть было не упал.

Наконец он кое-как пришёл в себя. Томился в сомнении — неужели действительно он пролежал в этой ужасной могиле целую неделю? А как случилось, что у него сердце не разорвалось? Как ему удалось выжить в этом тёмном, безнадёжном месте? «Тогда почему говорят, что человек не может жить без надежды? Ведь я же ни на что не надеялся... На глубине, в земле, укутанный в тесный саван, я мог лишь лежать без движения и ждать своей смерти. Но зная об этом, не осознавая эту горькую истину, я мог выжить...»

Теперь, глядя внутрь могилы, на это замкнутое пространство, он удивлялся собственной стойкости и выдержке.

Стряхнув с савана песок, он сложил его и держа под мышкой, с трудом выбрался из могилы.

После зноя могилы, в которой он лежал несколько дней, укутанный в саван, эта жаркая летняя ночь показалась ему прохладной. Уже светало, и от слабого дуновения ветра его бросало в дрожь. Он накинул саван на плечи, чтобы хоть как-то согреться.

Все последние события казались ему кошмарным сном. Он словно всё ещё не очнулся и

думал, что, пробудившись, сможет по-другому взглянуть на все страхи и опасения, терзавшие его.

На кладбище царила обычная тишина. Но крики двух мародёров всё ещё чудились ему. Со стороны села доносился неумолчный лай собак.

В тусклом свете луны чернели надгробные камни. В иной раз в такое время он бы не решился даже приблизиться к кладбищу, но сейчас он тихо сидел на земляном холмике и думал о себе, о своей судьбе. Он знал, что некогда вновь окажется здесь, чтобы остаться навсегда.

В молодости цыганка нагадала ему, что он умрёт дважды. В то время он не придавал к словам этой красивой гадалки серьёзного значения, но сейчас, за давностью лет эти слова казались ему пророческими.

«Интересно, что сейчас делают дома? По словам тех двух, меня похоронили неделю назад, и видимо, завтра будут справлять семь дней. Скорее всего, уже вся подготовка к утру завершена. Жена у меня ловкая, она не станет откладывать дела в долгий ящик и не будет ждать до утра. Кто бы что ни говорил, она будет поступать по-своему. Утром во дворе соберутся соседи и родственники. Не шутка ведь — всего лишь сорок семь лет... Сейчас все выражают молодой вдове соболезнования, сочувствуют ей. Интересно, а как там дети, смогли ли они смириться со смертью отца? Особенно

младшенькая... Она ведь так любит меня, и по вечерам, когда я возвращался с работы, её радости не было границ. Скорее всего, мать скрывает от девочки смерть отца. Она ещё маленькая, её как-то можно обмануть. Наверняка по вечерам девчонка капризничает, ждёт возвращения папы с работы. А как же мать утешает её? Что же теперь мне делать? Пойти за полночь, постучаться в дверь? Поверят ли они в моё воскрешение? Не удивятся ли, как мне удалось выбраться из-под земли и вернуться домой? Но другого выхода нет, нужно идти сейчас, так как днём я не смогу вернуться домой нагишом. Вернуться надо сейчас, ночью, когда сельчане спят...».

Внезапно от так сильно погрузился в мысли, что забыл обо всём на свете. Сейчас ему предстоит вернуться домой и постучаться в дверь — как бывало при его возвращении из дальних командировок. Дети проснутся, услышат голос отца и очень обрадуются ему.

Луна скрылась за облаками. На кладбище опустилась крошечная тьма, и в одно мгновение всё стало невидимым. Он вздрогнул от этой неожиданной тьмы, и у него перед глазами пронеслись ужасы тех дней, которые он провёл под землёй, в могиле. Это состояние прервало появление на небосклоне луны, осветившей всё вокруг.